
История литературоведения и фольклористики

П. В. Линтур

Славяноведение XIX в. в Закарпатье

Географическое положение Закарпатья на стыке восточного, западного и южного славянства, его историческое прошлое обусловили живой интерес местного населения к изучению славянских языков и литератур, славянской истории и этнографии.

Как известно, в политических рамках Австро-Венгрии жили рука об руку почти все славянские народы (украинцы, поляки, словаки, чехи, сербы, хорваты, словенцы), составлявшие две трети населения Габсбургской монархии.

На протяжении XVIII—XIX веков закарпатская молодежь училась в двух столицах империи — Вене и Будапеште, где она ежедневно встречалась с представителями различных славянских наций, училась и в таких славянских городах, как Львов, Братислава, Прага, Трнава, Пряшев и др.

Не только интеллигенция, но и простые люди Закарпатья в своей практической жизни соприкасались со славянским миром. Так, крестьяне-лесорубы, гонимые нуждой, в поисках куска хлеба работали в Словакии, Польской Галиции, Боснии, Герцеговине. И это были не единицы, а тысячи. Поговорите с верховинскими крестьянами старшего поколения, и вы узнаете от них, что каждый второй провел свою молодость, работая на лесозаготовках в Словакии, Прикарпатской Польше, на Балканах. Не редкое явление, когда простой человек практически знает 4—5 славянских языков.

Популярная в первой половине XIX в. идея всеславянской дружбы, патриотический призыв — изучать славянские языки, посещать славянские земли получили широкое распространение в условиях Закарпатья.

Таким образом, сама жизнь заставляла закарпатских украинцев интересоваться судьбами славянства. Мы рассматриваем повышенный интерес к славяноведению в Закарпатье как проявление национального самосознания, характеризующего эпоху славянского Возрождения.

Развитию этого интереса способствовали культурные связи закарпатцев с украинскими, русскими, словацкими, чешскими и другими славянскими общественными деятелями.

В этой статье мы попытаемся осветить один момент из истории украинского славяноведения — увлечение местных писателей пробле-

мами славянского языкознания и литературоведения, славянской истории и этнографии.

Закарпатские ученые держали в своих руках нити, которые связывали Украину и Россию со славянским миром, причем они нередко были пионерами в этом направлении. Их труды внесли существенный вклад в нашу науку.

Мы наблюдаем два этапа в развитии славистических интересов в Закарпатье в XIX ст.:

1. Первая половина XIX в., характеризующаяся романтическим направлением в литературе и в науке.

2. Вторая половина XIX в., когда были написаны работы, научно освещающие вопросы славянской лингвистики, истории, этнографии, литературоведения.

Первый этап характеризуется именами М. Лучкая и Ю. Венелина, второй — именами Е. Фенцика, Ю. Жатковича, А. Кралицкого.

Известно, что деятели славянского Возрождения большое внимание уделяли проблеме национального языка, проблеме взаимоотношения между литературным языком и живой народной речью. В Закарпатье зачинатели культурно-национального пробуждения серьезно занимались этой проблемой. Здесь обстоятельства сложились так, что церковнославянский язык вплоть до середины XIX в. был языком обучения в духовных училищах. Неудивительно поэтому, что церковнославянский язык находился в центре внимания местных писателей и ученых¹.

Ему посвящает свой основной труд Михаил Иванович Лучкай (1789—1843), получивший высшее образование в Вене, где слушал лекции знаменитого словенского лингвиста Варфоломея Копитара. Лучкай изучал «Institutiones» Иосифа Добровского. В 1830 г. он издал в университетской типографии Будапешта «Grammatica Slavo-Ruthena» — солидный труд, вызвавший появление сравнительно большой критической литературы². Проф. В. А. Погорелов называет этот труд первой сравнительной грамматикой церковнославянского языка и «закарпато-украинских говоров», а его автора — «первым русским (и украинским) диалектологом».

Михаил Лучкай принадлежит к старшему поколению славянских просветителей, которые воспитывались в классицистических традициях. Он испытал на себе благотворное влияние не только Добровского и Копитара, своих непосредственных учителей, но и М. В. Ломоносова. Ломоносовская теория трех «штилей» чувствуется в предисловии к сборнику Лучкая «Церковные беседы» (Будапешт, 1831), где читаем: «Язык совсем простой прото не употреблялх, ибо на высокия поятя веры и морала недостаточный есть; несть бо возможно простому человеку поятися и слова имети токмо наукою и чтанием приобретаемая, природныя же поятя философи не допушают. Стіл же библическый не

¹ Ср. Н. И. Толстой. О последней попытке применения общеславянской азбуки к словенскому языку, сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965; его же. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков XVII—XVIII вв., «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», М., 1962.

² В. Гаджега. Михаил Лучкай, «Науковий зборник Т-ва «Просвіта», т. VI, 1928/29, Ужгород, стр. 1—129; В. Погорелов. Михаил Лучкай и его „Grammatica „Slavo-Ruthena“, изд. О-ва им. А. В. Духновича, Ужгород, 1930; Г. Геровский. Русский язык в церковно-славянско-русской грамматике Михаила Попа-Лучкая, «Карпаторусский сборник», Ужгород, 1930; В. Симович. „Grammatica Slavo-Ruthena” М. Лучкая, «Науковий зборник Т-ва «Просвіта», 1931, т. VII—VIII; П. Лизанець. Граматика Михайла Лучкая „Slavo-Ruthena”, «Українська мова в школі», 1962, № 1, стр. 67—73; Курс історії української літературної мови, т. I, Изд-во АН УССР, К., 1958, стр. 190.

легко поразумевается. *Средним путем* безопаснейше ити, мне виделося. Что поруски изрядно выражается, а что из библического легко разумеется употребляти смыгал есмь ся [я стремился]. Сам бо народ Руский совсем простой язык во церкви не любит, но тешится средним. Мое же намерение было разуметелно беседовати и учити...»

Однако, вращаясь в славянских литературных кругах Вены 20-х годов (время появления в печати «Slávy dcegy», 1824), Лучкай не мог избежать влияния колларовских идей всеславянской дружбы. Эти идеи не трудно проследить и в его «Grammatica Slavo-Ruthena». Красной нитью через все ее страницы проходит та мысль, что славянские народы должны стремиться к объединению и бояться дробления. Мощным средством к объединению, говорит Лучкай, служит церковнославянский язык, являющийся «матерью» всех славянских наречий.

Принимая то неправильное, но широко распространенное мнение, что старославянский язык был «матерью» всех славянских языков, Лучкай решил дать описание родного ему закарпатского диалекта, чтобы показать его близость к «матери». Он первый из лингвистов указал на то, что украинские говоры Закарпатья сохранили древнейшие славянские элементы, сближающие их со старославянским языком.

Итак, в упомянутых сочинениях Лучкай классицистические традиции сочетаются с идеями славянского романтизма. Эти идеи еще сильнее чувствуются в его 5-томной «Historia Carpatho-Ruthenorum» (осталась в рукописи), написанной на богатом фактическом материале. Стремясь осмыслить историческое прошлое своего народа, Лучкай трактует его с точки зрения своей эпохи — эпохи романтических увлечений.

Сравнительным экскурсом в область славянской диалектологии является также труд ровесника Лучкай — Ивана Фогарашия-Бережанина (1786—1834), который был настоятелем прихода «Вагвагеум» в Вене и руководил студенческой общиной в австрийской столице. В обширном сочинении «Вообще о различии славянских наречий, собственно же о мало и карпато или угро-русских» Фогараший ссылается на авторитеты Добровского, Шафарика, Линде и других, ратует за славяно-русский язык как литературный орган для всех славян. В 1833 г. он издал «Русско-угорску ілі мадярску Грамматіку», в которой затронул вопрос о славянских заимствованиях в венгерском языке. И когда националистическая пресса обрушилась на «Грамматіку», обвинив ее автора в отсутствии венгерского патриотизма, Фогараший еще с большей решительностью изложил свой взгляд по тому же злободневному вопросу в статье «Origо et formatio linguae ugoricae».

Фогарашия мы вправе считать одним из первых лингвистов, занимавшихся проблемой взаимосвязей венгерского и славянских языков.

В Закарпатье в начале XIX в. было достаточно кадров местной интеллигенции, подготовленных для преподавательской и научно-исследовательской работы. В правительственных и академических кругах России знали о них и решили воспользоваться их услугами в новооткрытых университетах (Харьковском и Казанском) и лицеях (Нежинском, Одесском). Вот что писал министр народного просвещения царю:

«Для замещения кафедр я обращался в прочие университеты наши, но в оных не нашлось желающих занять упомянутые вакансии. Один народ, от которого нам можно желать ученых, есть карпаторосси, говорящие одним языком и сохраняющие веру предков наших. Нам известно, что правительство австрийское не благоприсяствует сношениям карпатороссов с нами. Один, следовательно, остается для сего способ — непосредственное сношение с правительством. По сему приемлю смелость испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему императорскому Вели-

честву, дабы министерство наше иностранных дел вошло в сношения с австрийским правительством для приобретения ученых из карпатороссов к занятию в Казанском университете праздных кафедр»³.

Так выехали в Россию И. С. Орлай, член Российской Академии наук, директор Нежинского лицея, А. М. Балудянский, первый ректор Петербургского университета, П. Д. Лодий, профессор философии Петербургского университета, В. Г. Кукольник, А. И. Дудрович, ректор Харьковского университета, братья М. В. и И. В. Билевичи, заведующие кафедрами Харьковского университета, К. П. Павлович и др.

Целая плеяда ученых, выходцев из Закарпатья, занимая руководящие посты в украинских и русских вузах и являясь членами академических обществ, приняла активное участие в развитии русской и украинской науки — филологической, исторической, философской, юридической, экономической.

Возглавил эту плеяду Юрий Иванович Гуца-Венелин — самая оригинальная и колоритная фигура закарпатского славяноведения.

Давно пора написать о Венелине монографию, которая подвела бы итоги многочисленным дискуссиям исследователей и дала бы объективную оценку его многогранной деятельности. Ученые неохотно берутся за такую работу потому, что личность Венелина очень сложна и противоречива. Трудно создать монографический труд о Венелине еще и потому, что он охватывал почти все отрасли славяноведения: историю, лингвистику, фольклористику, литературоведение, этнографию.

Юрий Иванович был не только ученым, но и выдающимся общественным деятелем — «будителем (по словам И. Франко) и воскресителем» болгарского народа.

Попытаемся подвести некоторые итоги дискуссии о Венелине, дать объективную оценку его плодотворной деятельности и определить его место в истории славянской культуры.

Несмотря на раннюю смерть, Венелин оставил сравнительно большое литературное наследие. Список его сочинений составил И. Молнар⁴. Он насчитывает 50 работ. Подавляющее их большинство (свыше 30) — исторические, 10 — языковедческих и фольклористических, несколько — литературоведческих и этнографических. Часть работ напечатаны при жизни автора, часть — после его смерти.

Венелин вошел в историю славяноведения прежде всего как автор работ по славянским древностям⁵. Его взгляды на многие вопросы славянских древностей уже устарели. Не имея твердой методологической подготовки, Венелин критически не проверял фактов и поддавался живому воображению, которое уносило его в область фантазии. Например, он считал, что скифы, сарматы, готы, гунны, хазары были славянами.

Однако, критикуя Венелина, мы должны учитывать состояние современной ему славянской исторической науки, переживавшей в то время период младенчества. И Венелину пришлось вести напряженную борьбу с немецкими учеными (Байер, Шлецер, Энгель, Тунман), высокомерно относившимися к славянам, считавшими славян поздними пришельцами в Европе, неспособными к государственной жизни.

³ Сб. постановлений по Министерству Народного Просвещения, СПб., б/г, т. I, стр. 1357.

⁴ И. Молнар. Историко-критические изыскания Ю. Венелина, т. II, М., 1841.

⁵ Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам, М., 1829; Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам, М., 1841; Скандинавомания и ее поклонники или столетние изыскания о Варягах, М., 1842; Окружные жители Балтийского моря, то есть леты и славяне, М., 1846; О нашествии завислянских славян на Русь до юриковых времен, М., 1848 и др.

Ссылаясь на тенденциозные утверждения этих ученых, западные политики оспаривали право славян на государственную независимость.

Как пламенный славянский патриот, борющийся за политическую независимость порабожденных народов, Венелин стремился опровергнуть выводы немецких ученых.

В то время, когда не только в западной, но и в русской историографии господствовала нормандская теория происхождения Руси и тюрко-татарская теория происхождения Болгарии, Венелин с удивительным упорством отстаивал славянскую теорию.

В общем исторические воззрения Венелина были прогрессивными, созвучными со взглядами декабристов⁶.

По мнению Венелина, предметом исторического исследования должен быть трудовой народ, а не цари, короли, генералы. Он остро критиковал Карамзина: «Историю Государства Российского» можно назвать более жизнеописанием великих князей, нежели историей...», после «Истории Государства Российского» Карамзина нужна еще и «История русского народа...» В статье «О характере песен у славян задунайских» Венелин подчеркивает мысль, что творцом истории является народ.

Справедливо критикуя Венелина за произвольную этимологизацию древних имен и названий, за фантастические домыслы, академик Н. С. Державин дал высокую оценку его исторических трудов:

«Венелин принес в науку тот элемент национальной романтики и подъема национально-освободительных устремлений, которые в начале XIX в. переживали наиболее передовые общественные круги у всех славян как на западе — Австрии и Венгрии, так и на юге — Сербии и Болгарии и на востоке — России. В среде национально-угнетенных народов наука в то время служила мощным орудием борьбы восходящей молодой национальной буржуазии за культурно-национальное и национально-политическое раскрепощение, и этим определялись, в частности, все положительные и отрицательные стороны научных трудов Венелина, посвященные изучению наиболее страдавшего тогда под чужденациональным гнетом болгарского народа. Скромная фигура благородного, самоотверженного и честного русского ученого, в молодые годы сошедшего в могилу как жертва житейских невзгод и лишений в обстановке господствовавшего в царской России полицейско-бюрократического режима, фигура Венелина стоит на высоком пьедестале особенно в сознании болгарского народа, в числе первых его будителей и основоположников национально-освободительного движения»⁷.

Ю. И. Венелин сделал много и для славянской науки о народном творчестве. Проф. М. К. Азадовский называет его «зачинателем болгарской фольклористики»⁸, а Н. С. Шумада — одним из основоположников украинской фольклористики.

Юрий Иванович занимался и сборником и исследованием устного творчества. Особенно богатый материал он собрал по болгарским песням, опубликованным позже П. А. Бессоновым⁹.

Ему принадлежат первые записи закарпатских песен и пословиц, сделанные еще в начале 20-х годов XIX в., то есть — задолго до В. Залеского и Я. Головацкого.

⁶ Н. С. Шумада. Ю. И. Венелин як збирач і дослідник українського фольклору, «Народна творчість і етнографія», 1961, № 4, стр. 78.

⁷ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 154.

⁸ М. Азадовский. История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 391—392.

⁹ Болгарские песни из сб. Ю. И. Венелина, Н. О. Катранова и др., издал П. Бессонов, в. I—II, М., 1855.

Наиболее значительным трудом Венелина по фольклору мы считаем работу «О характере народных песен у славян задунайских», вышедшую отдельной книжкой¹⁰ и получившую высокую оценку Белинского¹¹. Это непосредственные наблюдения над жизнью героических песен балканских славян. Венелин развивает здесь ту глубокую мысль, что песня выражает самые задушевные чувства трудового народа.

Такая мысль была высказана раньше Радищевым, а позже Добролюбовым. Венелин утверждает, что в юнацких песнях нашла поэтическое отражение вся многовековая история болгарского, сербского и хорватского народов. Поэтому, отмечает Венелин, эпические песни балканских славян столь драматичны и трагичны. Венелин стремился постичь через устное творчество характер, психологию и мировоззрение народа. Он интересовался одной из самых сложных проблем фольклористики — возникновением героического эпоса. Высказанные им по этому поводу соображения напоминают рецензию Н. Г. Чернышевского на сборник Берга «Песни разных народов». Мотивы героической борьбы в юнацких песнях Венелин объясняет самой исторической действительностью.

Исключительно ценны наблюдения Венелина над бытованием героических песен болгар и сербов. Очень метки его замечания по поводу их «сказколюбия», то есть их особой любви к рассказам о героических подвигах людей.

Прогрессивной была мысль Венелина о коллективном создании произведений фольклора. Полемизируя с западными учеными, он доказывал, что «Илиада» и «Одиссея» созданы не индивидуальным творцом, а коллективным гением греческого народа.

Все это свидетельствует о вдумчивом изучении Венелиным устного творчества. Поэтому не прав В. Ягич, упрекавший ученого за несерьезное отношение к болгарскому фольклору.

Венелин принадлежал к тому поколению деятелей, которое воодушевлялось идеями всеславянской дружбы. И. Молнар пишет, что ученый «еще в первых годах молодости обнаруживал пламенную любовь ко всему славянскому». В особенности дорогой для него была идея Великой Родины-Руси «от Невы до Дуная», причём его волновали «судьбы русского народа» — именно *народа*, а не его правителей.

Как бы обобщая свои самые задушевные, самые заветные мысли и чувства, Венелин пишет статью «О споре между южанами и северянами на счет их россизма», статью, которая оказала сильнейшее влияние на западноукраинских (и закарпатских) деятелей — «будителей». Автор затрагивает вопросы племенных споров, разногласий в братской семье славянских народов.

Венелин глубоко вникает в сущность этого спора, вскрывая его социальные корни. Например, он правильно говорит, что в Белоруссии и в Западной Украине, где искони крепостниками являлись польские и австрийские паны, имя «русский» или «русин» третирировалось как «мужик», «простак».

Слова Венелина «Голова Руси находится на севере, сердце — на юге» стали изречением в устах патриотов.

В оригинальной и яркой личности Венелина гармонически сочетались и ученый-славист в самом широком значении этого термина, и писатель-романтик, и общественный деятель — пламенный патриот. Путешествуя по болгарским землям, стонавшим под страшным турец-

¹⁰ О характере народных песен у славян задунайских, М., 1835.

¹¹ Полное собр. сочинений, т. II, СПб., 1901, стр. 39.

ким игом, собирая памятники древней письменности, исторические документы, записывая произведения устного творчества, Венелин везде и всегда говорил о необходимости борьбы с чужеземными поработителями.

Роль Венелина в освободительном движении Болгарии трудно переоценить. Своими сочинениями, живым словом и делом он воспитал поколения патриотов. «Юрий Венелин,— говорит И. Франко,— как будитель народного духа болгарского, воскреситель их славного прошлого стоит достойно рядом с такими болгарскими патриотами как Любен Каравелов, Раковский, братья Миладиновы, Захария Стоянов»¹², рядом с болгарскими революционерами-демократами.

Благодарный болгарский народ оценил заслуги Венелина. На мраморном памятнике, поставленном на его могиле в Москве болгарскими патриотами, читаем надпись:

«Он первый напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени болгар и пламенно желал его возрождения». Велико значение Венелина для культурно-национального возрождения не только болгарского, но и украинского народа. Мы уже подчеркнули его благотворное влияние на развитие общественной мысли Закарпатья и Галиции. Венелин оказал непосредственное воздействие на формирование социально-политических и литературных взглядов закарпатских «будителей» старшего (Раковский, Павлович) и младшего поколений (Кралицкий, Попрадов, Фенцик).

После революционных событий 1848—1849 годов, закончившихся падением феодально-крепостнического и утверждением капиталистического строя, в духовной жизни народов Габсбургской монархии произошел поворот от романтизма к реализму. Этот поворот мы замечаем не только в художественном творчестве, но и в научном мышлении.

В Закарпатье — самом отсталом уголке империи, этот поворот совершался очень медленно. Местные деятели еще долго находились во власти романтических идей славянского Возрождения.

Бурные 1848—1849 годы вызвали небывалое оживление в славянских землях Австрии. Усиливаются политические и культурные связи. Славянские писатели и ученые, отказавшись от колларовского отвлеченного понимания «славянства», приступают к вполне конкретному изучению славянской истории и этнографии, славянских литератур и языков.

Как мы видели, закарпатские слависты первой половины века имели довольно туманное представление о славянских древностях, о развитии славянской письменности и славянских языков. Они не замечали факта возникновения национальных литературных языков и стояли на тех же позициях, на которых стояли консервативно настроенные сербские и хорватские писатели, не признававшие реформ В. Караджича, или консервативные словацкие ученые, отрицавшие реформу Л. Штура.

Младшее поколение закарпатских «будителей», вступившее на общественное поприще в 60—70-е годы (Раковский, Кралицкий, Сильвай и др.), признав ошибки своих «отцов», отвергло теорию «славяно-русского» языка и приняло в качестве литературного современный русский язык.

Типичным представителем этого поколения был Евгений Андреевич Фенцик (1844—1903), земляк Венелина (он родился в том же селе Тибави-Мартинка), слушавший в Венском университете лекции Миклошича, крупнейшего слависта, одного из основоположников сравнитель-

¹² «Народ», 1891, № 5, стр. 225.

ного языкознания. Уже в студенческие годы Фенцик проявил особый интерес к славяноведению, изучив практически и теоретически все славянские языки.

Деятельность Е. Фенцика очень разносторонняя. Будучи талантливым публицистом, он в течение многих лет редактировал журнал «Листок» (1885—1903), ставший единственным печатным органом культурно-национальной жизни Закарпатья в самые страшные годы разгула мадьярского шовинизма и политической реакции.

Е. Фенцик — автор серии патриотических стихотворений, исторической поэмы «Корьятович», трагедии «Покорение Ужгорода», ряда реалистических повестей и рассказов.

Как ученый-славист, Е. Фенцик подобно Венелину писал труды по истории, этнографии, лингвистике, литературоведению. В статьях о славянской истории («Белые хорваты», «Первобытные жилища славян», «Торговля древних славян», «Положение восточных славян после образования государства», «По поводу 900-летнего юбилея крещения Руси» и др.) он развивает свою историческую концепцию, характерную для «будителей» вообще. Вопреки официальной венгерской историографии, стремившейся отделить украинское население Закарпатья от родного края, Е. Фенцик призывает своих земляков помнить предков, славян Киевской Руси, свято хранить древнерусские традиции и не забывать о единокровных братьях в России. Отвечая на обвинения в «панславизме» и «схизме», он смело заявляет: «Мы не отречемся от того, что мы угроруссы и что по крови у нас на свете есть единомышленники, которые говорят одним с нами языком...»¹³.

Та же патриотическая идея проходит через страницы его славянских этнографических и фольклорных очерков («Великоруссы», «Малоруссы Киевской губернии», «Малоруссы Полтавской губернии», «Буковинская Русь», «Славяне», «Русский эпос» и др.).

Много и серьезно занимался Е. Фенцик изучением славянских языков и прежде всего русского языка. Он разработал свою концепцию исторического развития русского литературного языка, концепцию, которая была близка взглядам дореволюционных русских ученых-лингвистов (А. Соболевского, В. Будиловича, В. Ламанского и др.).

Исторические судьбы славянских языков рассматривались им в органической связи с развитием древней письменности. Но, пожалуй, в центре его внимания находилась проблема зарождения славянской письменности [«Памяти просветителей наших», «Св. Кирилл и Мефодий в Моравии», «Начало нашей письменности», «Литература» и др.]. С удивительной последовательностью и настойчивостью он защищал кирилло-мефодиевские традиции в культурной жизни славянских народов.

Среди многочисленных статей Е. Фенцика, посвященных различным вопросам славянских языков и литератур, выделяются две монографические работы: «Очерк угрорусской письменности» и «О славянских языках и литературах». Первая из них — обширный труд, публиковавшийся по частям в журнале «Листок» на протяжении четырех лет и написанный на архивных материалах, сегодня нам уже не доступных. «Очерк» — первая попытка привести в систему разрозненные факты и дать им определенную оценку. Идея кровного родства и братского единства закарпатцев с украинским и великим русским народом пронизывает все разделы «Очерка».

Подчеркнув тот факт, что литература Закарпатья является частью общерусской литературы, и указав на их истоки (старославянскую

¹³ «Листок», 1890, № 2, стр. 15.

письменность), Е. Фенцик более подробно останавливается на памятниках периода после заключения церковной унии — так называемой «латинской» литературе. Он считает «латинский период» пагубным не только потому, что непонятная народу «латинщина» вытесняла древнерусские традиции, но главным образом потому, что она углубляла пропасть между трудовым крестьянством и интеллигенцией. «Простой русский народ начал отделяться от своих пастырей. Духовенство заняло место в роде аристократии, а паства осталась обокремленную (то есть обособленную) и составляла мужицкое (рабочее) сословие. О языке сих обокремленных мужиков никто не заботился, язык их остался в первобытной невозделанной простоте, даже стал наполняться чужими русскому языку варваризмами»¹⁴.

Как видим, историческая концепция Е. Фенцика, согласно которой церковная уния (1646) явилась причиной всех бед, постигших Закарпатье в XVII—XIX вв., так как она оторвала народ от истоков родной культуры, — распространяется им и на развитие литературы края. Униатское духовенство, говорит автор, изменив обычаям и вере предков и приняв латинскую культуру, стало врагом национальным и классовым. С момента введения унии пути народа и духовенства разошлись: один вел на Восток, другой — на Запад.

Говоря о деятельности местных писателей «латинского» (XVIII в.) периода, Е. Фенцик сожалеет, что они писали на чужом языке, и труды их «исчезли бесследно для того народа, из среди которого» они вышли.

Е. Фенцик понимал значение устного творчества для литературного возрождения славян в XIX в. Разбирая фольклорные материалы в «Grammatica Slavo-Ruthena» М. Лучкая, он замечает: «Сколько времени минуло уже, а наши народные пословицы, загадки, сказки и народные песни все еще очень скудно собраны. Особенно народных сказок еще не напечатал никто. Всем этим *драгоценным произведениям* угрорусского народного творчества угрожает полное забвение. Не свидетельствует ли это о нашем полном нерадении ко всему своему народному?»¹⁵

Сближение литературы с народом, утверждает Е. Фенцик, произошло в середине XIX в. В лице Духновича, Павловича, Раковского, Митрака, Сильвая, Кралицкого, Попрадова угнетенные крестьяне Верховины обрели защитников своих культурно-национальных прав. Составляя очерки об этих «будителях», Е. Фенцик пользуется не только архивными документами, но и личными воспоминаниями. Ведь он лично знал почти всех закарпатских деятелей XIX ст. и мог нарисовать их живые портреты. «Очерки» удачно сочетают строгий научный анализ фактов с занимательным рассказом о живых людях.

Самая значительная (по содержанию и по объему) работа Е. Фенцика — «О славянских языках и литературах» — печаталась в течение пяти лет в журнале «Листок» за 1899—1903 гг. В ней подведены итоги его долголетних исследований в области славянской лингвистики и славянского литературоведения. Эта работа является первой попыткой на Украине написать серьезный труд по истории славянских языков и литератур и уже поэтому заслуживает внимания. Фенцик взялся за составление такого труда, желая помочь образованным людям Закарпатья и Галиции в изучении культурной жизни славянства. Им руководила также патриотическая мысль пропагандировать в Венгрии идею славянского содружества. В предисловии к монографии читаем

¹⁴ «Листок», 1892, № 6, стр. 63.

¹⁵ Там же, стр. 88.

замечательные слова о том, что «угроруссы», бесспорно, принадлежат к большой славянской семье, а однако они мало знают о языках и литературе своих братьев-славян...

Е. Фенцик обнаруживает основательное знакомство с первоисточниками (он знал практически все славянские языки и был лично знаком с очень многими славянскими писателями-классиками XIX ст. и с общественными деятелями), критической литературой, ссылаясь на сочинения Добровского, Шафарика, Палацкого, Копитара, Миклошича, Востокова, Карамзина, Шпегеля, Гаммера, Френцеля и др.

В самом начале своей работы Фенцик затрагивает дискуссионный в то время вопрос о старославянском языке, который он правильно называет не «матерью», а «сестрой» «прочих славянских диалектов».

Рассмотрев объективно мнение чешских ученых — Добровского, Шафарика, Палацкого, — считавших старославянский язык македонским наречием староболгарского языка, и мнение Копитара, считавшего старославянский язык языком паннонских славян-словенцев, Фенцик приходит к выводу, что старославянский язык ближе всех стоит к древнерусскому языку.

Вслед за русским славистом Востоковым он делит историю церковнославянского языка на три периода: древнейший (от Кирилла и Мефодия до XIII в.), средний (XIII—XVI в.) и новый (с XVI в.). Параллельно дается характеристика памятников трех периодов.

Вторая часть монографии посвящена истории языка и литературы отдельных славянских народов: русских, сербов, хорватов, «вендов» (лужичан), словенцев, болгар, чехов и словаков. Раздел о польском языке и польской литературе остался не написанным.

Если главы о русской литературе и литературе южных славян имеют более или менее компилятивный характер, то обзоры чешской, и в особенности словацкой, литературы составлены самостоятельно и свидетельствуют о глубоком знании художественных текстов и творческих биографий писателей. С чешскими и словацкими деятелями науки и искусства Фенцику пришлось очень часто встречаться в своей практической работе журналиста и издателя. Словаки — непосредственные соседи закарпатских украинцев — в тех же условиях чужеземного венгерского владычества вели борьбу за родной язык, за свои культурно-национальные права. Поэтому их исторические судьбы, литературное творчество были очень близки и понятны Фенцику.

Обозревая литературную историю чехов, Фенцик подчеркивает талантливость этого славянского народа («нет такой ветви науки и искусства, в которой чехи не могли бы показать нам несколько знаменитых имен»), восхищается музыкальным гением чехов, подчеркивает их свободолюбивые и гуманистические традиции, получившие самое яркое выражение в гуситском движении. Принимая историческую концепцию Шафарика и Палацкого, Фенцик отмечает пагубное влияние белогорской битвы на чешскую литературу и клеймит мракобесов-иезуитов за варварское отношение к памятникам гуситской эпохи. В славной плеяде чешских будителей XVIII—XIX вв. автор выделяет имена И. Добровского, «патриарха» славяноведения, «отца новой славянской литературы», П. Шафарика и Яна Коллара — «самого славного поэта нашего времени», автора «Дочери Славы», в которой славянский народ нашел свое «олицетворение».

Наиболее живо и обстоятельно написан обзор словацкой литературы. Будучи пламенным проповедником идеи славянского единения и братства, Фенцик не мог не попрекнуть молодое поколение словацких деятелей за «раскол», за стремление обособиться от чехов, создать отдельный язык и отдельную литературу. Он вполне положительно

оценивает «реформы» Л. Штура и его школы. «Заслуга Штура особенно в том, что в своих поэзиях, оставив древние классические формы, стал приближаться к живому народному творчеству...»¹⁶. Идеалом Штура, говорит Фенцик, была народная песня и сказка. Штур и его последователи подняли словацкую литературу на небывалую высоту, обогатив ее новыми мотивами, приобщив к животворному роднику устной поэзии. Литература сделалась живым делом и стала служить трудовому народу. Деятельность Штура, подчеркивает Фенцик, имеет громадное значение в истории словацкой и общеславянской литератур.

Преодолевая свою конфессиональную ограниченность, Фенцик с радостью и удовольствием констатирует факт омирщения словацкой культурной жизни после реформ штуровцев, освобождения ее от церковной опеки. Он пишет об этом, намекая на то, что в Закарпатье продолжается засилье «богословов».

Итак, работы Е. А. Фенцика по славянской истории, этнографии, славянскому фольклору и славянским литературам представляют ценность и интерес по богатству собранного и приведенного в систему материала как первая попытка на Украине написать обзорную историю славянских литератур. Идеино-художественный анализ текстов, освещение фактов, методологические установки автора устарели. Все же эти работы должны занять определенное место в истории нашего отечественного славяноведения.

Фенцик — самая яркая фигура закарпатского славяноведения второй половины XIX в. Кроме него, можно назвать ряд имен писателей и ученых, которые питали живой интерес к славянской этнографии и славянскому фольклору. Это А. Ф. Кралицкий (1835—1894) — писатель и общественный деятель, постоянный сотрудник местных газет и журналов («Свет», «Новый Свет», «Карпат», «Листок», «Месяцословы») и галицких изданий («Заря Галицкая», «Слово», «Галичанин», «Временник Ставропигийского Института», «Научовый сборник галицко-русской матицы»). Он родился на Пряшевщине, в той смежной полосе, где восточнославянские элементы переплетаются с западнославянскими. Кралицкий изучал быт трудового крестьянства и с любовью собирал его устное творчество. Он оставил нам серию этнографических очерков («Русины лаборские в Угорщине»¹⁷, «Свадебные обряды у лаборских русинов»¹⁸, «Этнографические мелочи из быта угорских словаков»¹⁹, «Свадебные звичаи у шарышских словаков»²⁰, представляющих большую ценность для науки.

Дополнением к очеркам Кралицкого, описывающим этнографический быт Шарышской и Земплинской столиц (Восточная Словакия), служат статьи А. А. Митрака (1837—1913), который долго жил в деревнях и селах Ужанской и Бережской столиц (западные районы Закарпатья). Статьи Митрака («Домашний быт угрорусского крестьянина», «Домики или избы угрорусских крестьян», «Как исполняет свои весенние работы угрорусский народ», «Сенокосы угроруссов» и др.) отличаются глубоким знанием предмета жизни крестьянства. Для славянской диалектологии дает ценный материал и монументальный «Мадыарско-русский словарь» Митрака.

Следует упомянуть и монографическую статью «Свадебный обряд в Угорской Руси» известного писателя И. А. Сильвая (Уриила Метео-

¹⁶ «Листок», 1903, № 2, стр. 15—16.

¹⁷ «Научовый сборник галицко-русской матицы», Львов, 1865, вып. II, стр. 103—111.

¹⁸ «Научовый сборник галицко-русской матицы», Львов, 1865, вып. III, стр. 137—160.

¹⁹ «Временник Ставропигийского Института на 1872 г.», Львов, стр. 109—111.

²⁰ «Галичанин», Львов, 1868, № 18.

ра) (1838—1904). Статья найдена нами в рукописях Сильвая и еще не была опубликована. Если учесть тот факт, что она была написана сто лет тому назад, когда в Закарпатье календарные и семейные обряды и песни широко бытовали, то станет понятен интерес к ней. Фольклорные записи Сильвая (например, записи старинных колядных песен) очень ценны.

Лучшим закарпатским этнографом прошлого века был Ю. Жаткович (1855—1920), друг В. Гнатыюка, печатавшийся в венгерских и украинских академических органах и получивший признание далеко за пределами края. Среди его многочисленных этнографических заметок, помещенных в газетах «Kelet», «Ungvári Közlöny», «Bereg», «Marmaros» и др. выделяются «История историографии угорских русинов»²¹ и «Этнографический очерк угорских русских»²², которые являются серьезным вкладом в славяноведение.

Славянскую фольклористику обогатили новым и свежим материалом сборники М. А. Врabelя «Русский Соловей»²³ и «Угро-русские народны співанки»²⁴, записи Ф. Злоцкого (1846—1926), любителя народного творчества, оставившего два рукописных сборника—«Народные песни с поля Подкарпатской Руси» и «Народные пословицы-поговорки».

Итак, в Закарпатье на протяжении всего XIX в. местные просветители питали живой интерес к славистике. Такие ученые, как М. Лучкай, Ю. Венелин, Е. Фенцик, Ю. Жаткович настойчиво изучали историю, этнографию, литературы и языки славянских народов. Они внесли значительный вклад в наше отечественное славяноведение.

²¹ „Századok”, 1890, № 7, 8.

²² „Budapesti Szemle”, 1895, № 4, 5.

²³ М. Врabelь. Русский Соловей, Ужгород, 1890.

²⁴ М. Врabelь. Угро-русские народны співанки (співанки мараморощки), Будапешт, 1900.

Кафедра русской литературы Ужгородского университета
